

БИБЛИОТЕКА "ЭС"

Игорь Агеев – смолоду артист театра и кино – в качестве сценариста появился в нашем кино "в его минуты роковые", перестроечные: в 1988 году с "Куколкой", шум вокруг которой памятен многим. Затем последовали "Камышовый рай" (совместно с С.Белошниковым), "Наша дача", "Призрак", "Гений", "Без ошейника". И вот – новая работа все еще молодого драматурга, который может похвастаться исключительным по нынешним временам количеством сценариев, ставших фильмами.

Смоляков очень уверенно, как и все, что он делает в этой жизни, ведет машину, придерживая руль одной рукой. Его сияющая с серебристым отливом "БМВ" несется по загородному шоссе, словно ласточка перед дождем, плотно прижимаясь к асфальтовому покрытию.

В салоне машины работает приемник. Придурковатую музыку прерывает выпуск утренних новостей – безумный мир, безумные события: где-то по-прежнему идет война, совершен очередной террористический акт, кого-то убили. Молодая журналистка сообщает об этом каким-то бодрым, даже веселым тоном. Андрей переключает программу. Новостям он больше предпочитает музыку.

За окошком "БМВ" мелькают небольшие перелески, поля, потом сплошной стеной – сосновый лес.

Смоляков набирает номер на трубке радиотелефона сотовой связи. После нескольких долгих гудков на другом конце слышится застывшее: "Алло!"

– Долго спите, господин-товарищ Пронин.
– Андрей Иванович! – зевает абонент. – Ну, как прошла "командировка"? Как курочка на бутылочке?

– Не надо завидовать, Проня! Документы на землю под четвертый цех готовы?

– Готовы-то они готовы. Но у нас проблемы с этой землей, Андрей Иванович.

– Слушай, не грузи меня с утра, ладно? – перебывает его Смоляков. – К четырем нарисуйся вместе с ними у меня в офисе, лады?

– Лады, – соглашается Пронин.
– Давай, просыпайся. Жизнь проспишь.

Андрей отключает связь, сбрасывает скорость. "БМВ" съезжает с основной дороги, направляясь к высокому кирпичному забору, за которым возвышается здание большого коттеджа с параболическими спутниковыми антеннами на крыше.

Молодые ивы развесили свои ветви среди зеленых газонов, играют серебристо-желтыми листьями на легком ветру, пропуская через себя косые лучи утреннего солнца.

Смоляков проходит мимо них по дорожке, выложенной бетонными плитами, бодрым шагом идет к входным дверям коттеджа.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Андрей слышит звук работающего телевизора, доносящийся из кухни.

За обеденным столом сидит его дочь – Катя. Ей четырнадцать. Большой столовой ложкой Катя лопает прямо из банки персиковый джем, заедая его роголиком, прихлебывая из пакета молоко. При этом она, не отрываясь, смотрит на большой экран "Панасоника", установленного в углу просторной, прекрасно оборудованной кухни. По телевизору идет одна из утренних передач, каких много теперь, – обо всем и ни о чем.

– Привет, – здоровается Смоляков, застыв на пороге.

– А-а, это ты! – едва глянув в его сторону, откликается Катя. – Вернулся?

– Мать еще спит? – интересуется Андрей.

– Не-а... Ее нету, – дочь отправляет в рот очередную порцию джема.

– Как это – нету? – Смоляков входит в кухню, перегораживая собой телевизор.

– Па, отвали, мне не видно! – канючит Катя.

– Ты можешь нормально объяснить?

– О, Господи! Она вчера звонила, сказала, что останется ночевать у подруги, чего не ясно-то? Отойди, мне не видно.

Андрей решительно выключает телевизор.

– За едой "ящик" смотреть вредно, – говорит он.

– Да?

– Да. У какой подруги она осталась ночевать?

– Откуда я знаю? – Катя недовольна поступком отца. – Она мне не докладывала. Па, не будь злыднем, включи телек.

Смоляков включает телевизор, идет к телефону, расположенному в коридоре рядом с кухней.

– Нина? Разбудил? Смоляков. Моя случайно не у тебя ночевала? Ну, чего ты мнешься? Нет? Да ничего. Я тут два дня в командировке был, приехал только что. Ну, ладно, Нин, извини, что потревожил. Спи!

Андрей возвращается на кухню.

– Мать на своей "тачке" из дома уезжала?

– Да, – отвечает дочь.

– А чего же она у подруги осталась? – скорее у себя, чем у дочери спрашивает Смоляков.

– Наверное, мосты развели, – говорит Катя.

– Что ты жрешь всякую дрянь? Колбасы отрезать лень? Все-таки мясо!

– Я не люблю мясо.

– Зря. Мясо – это сила! А в здоровом теле – здоровый дух!

– Ты серьезно так считаешь? – Катя, отвернувшись от телевизора, смотрит на отца.

– Ладно. Пойду, приведу себя в порядок. Ты тоже собирайся, а то опоздаешь. – Смоляков

хочет уйти.

– Пап, ты меня в интернат отвезешь? – останавливает его Катя.

– Нет. Мне некогда. Поедешь с Володей на служебной, – Андрей выходит в коридор и тут же возвращается. – Слушай, а разве мосты все еще разводят?

– Откуда я знаю? – Катя снова вся в телевизоре.

– Ну, лады. Разберемся! – и Смоляков выходит из кухни теперь уже окончательно.

Дымит заводская труба. Рыжеватый дымок распространяется в светло-голубом, высоком небе. Железобетонные заводские корпуса, освещенные ярким солнцем, кажутся издали белыми игрушечными кубиками.

Смоляков в сопровождении свиты из пяти-шести человек быстро идет по заводской территории. Останавливается перед кучей мусора, вываленной прямо на газоне и занимающей к тому же часть проезжей дороги. Андрей обращается к одному из сопровождающих его людей, показывая рукой на кучу. Тот разводит руки в стороны, пожимает плечами. Смоляков раздражается коротким, но весьма энергичным монологом. Человек, которому адресован монолог, согласно кивает, что-то пишет в своем блокноте.

Андрей в КБ. Он держит в руках опытный образец то ли вазы, то ли высокого стеклянного бокала. Образец не очень нравится Смолякову. Что-то объясняя художнику-дизайнеру, он извлекает из кармана ручку, лезет в эскизы, своей рукой исправляет кажущиеся ему недостатки. Дизайнер недоволен. Андрей жестом приглашает его за собой, покидая помещение конструкторского бюро.

Цех. Здесь жарко и шумно.

Стеклодув раскаляет добела заготовку, выхватывает ее из огня, начинает выдувать стеклянный сосуд.

То, что он делает, не очень устраивает Смолякова. Он снимает с себя пиджак, развязывает галстук, сунув все это кому-то из своей свиты, закатывает рукава рубахи. Кто-то передает Смолякову защитные очки. Андрей, отмахнувшись, забирает у стеклодува трубку с заготовкой, начинает осторожно поддувать в нее воздух.

Происходит маленькое чудо – раскаленное стекло на глазах превращается в прозрачную каплю, вращаясь, отражая отблески пламени, она постепенно обретает нужную форму.

Смоляков возвращает стеклодуву трубку, что-то говорит дизайнеру, влезая в пиджак, завязывая на шее галстук.

Художник кивает, смотрит в эскизы.

Разгоряченный Смоляков шагает по заводскому двору. Возле кучи мусора уже стоит грузовик. Двое рабочих с лопатами переправляют мусор в кузов.

В приемной Смолякова ожидают несколько человек.

– Давайте, проходите в кабинет, – говорит с порога Андрей. – Я сейчас. Умоюсь только.

Мыльная пена стекает в раковину. Андрей с удовольствием пригоршнями бросает воду в лицо.

Он появляется в приемной с полотенцем в руках.

– Андрей Иванович, – встает со своего места секретарша, та самая девушка, от которой Смоляков уходил сегодня утром. – Ваша жена звонила.

– Сказала что-нибудь? – Андрей бросает полотенце в кресло, приводит в порядок расхристаный галстук.

– Ничего не сказала. Оставила какой-то номер телефона.

– Галина Сергеевна, будьте добры, дозвонитесь до нее. Я бы хотел с ней поговорить, – и Смоляков проходит в свой кабинет.

Андрей сидит у главе стола, взяв пальцы в замок, внимательно слушает то, о чем говорит полный, бородатый мужчина, его ровесник – Юрий Александрович Пронин.

– О земле под четвертый цех... – чешет бороду Пронин. – Собственно, строить там ничего невозможно потому, что... Э-э... Собственно, предыдущее руководство завода сдало эту землю в аренду одной коммерческой фирме.

– Какой фирме? – интересуется Смоляков.

– Это неважно, собственно. Потому что эта фирма передала право аренды другой фирме. Э-э... Минуту! – Пронин смотрит в бумаги. – Вот! "ЭЛ ЭМ Дэ". Вот эта самая "ЭЛ ЭМ Дэ" собирается разместить на этой земле свои терминалы под складские помещения.

– Так, суду все ясно! – перебывает его Смоляков. – Юрий Саньч, не мне вас учить. То, что делало предыдущее руководство, на это мне, мягко говоря, чихать! Они бы и маму родную в лобبارд заложили, лишь бы из долгов вылезли. Значит, надо брать за жабры наших юристов, внимательно посмотреть договора об аренде. Наверняка эти умники там чего-нибудь напортачили. Земля эта – наша! И всяким этим

"ЭЛЭМДэ", "ЭЛТЭПэ" и тэ дэ... на заводской территории делать нечего.

На столе звонит телефон. Андрей снимает трубку.

– Слушай!

– Ваша жена, Андрей Иванович. Будете говорить?

– Буду. – Смоляков обращается к присутствующим. – Минуту, – он слегка отворачивается в сторону, ждет.

– Здравствуй, Андрей, – слышится в трубке голос жены.

– Ну, и где же тебя носит? – понизив голос, спрашивает Смоляков.

– Я ночевала у Нины, – после паузы отвечает жена.

– Да? А ей звонил, – Андрей косится в сторону своих сотрудников.

Те делают вид, будто их вовсе не интересует телефонный разговор. Каждый старается занять себя каким-нибудь пустячным делом.

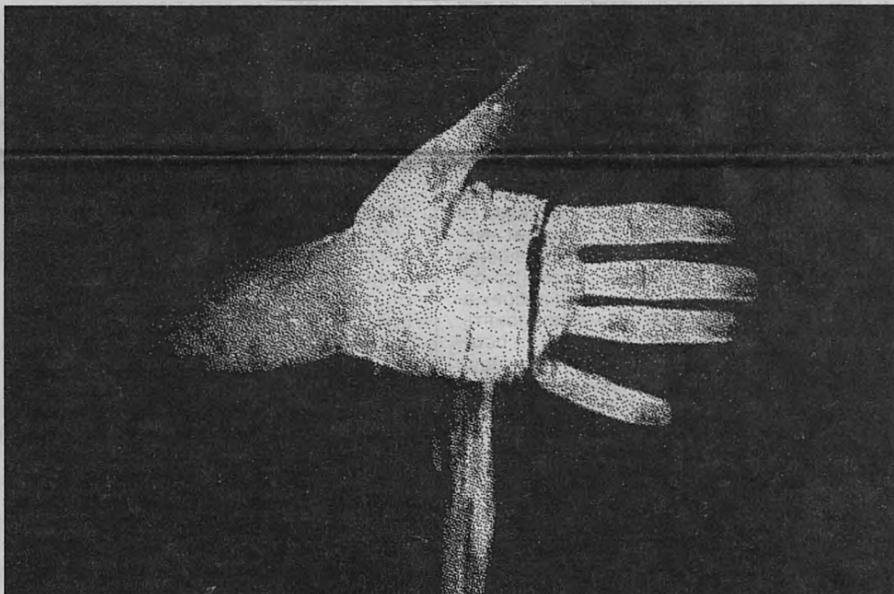
– Ну... – вздыхает жена. – Ну, в таком случае я ночевала у другой Нины.

– Ладно. Ты сейчас где?

– Сейчас? У Нины.

Игорь АГЕЕВ

Груша

– Снова-здорово! Вот и сговорились бы по-лучше! – ворчит Смоляков. – Хорошо, сиди там. У меня совещание, через час я за тобой заеду. – он отключает связь.

– Так... – Андрей обводит взглядом присутствующих. – Все свободны. Юрий Саньч, на два слова.

Пронин направляется к Смолякову, прочие покидают кабинет.

– Проня, что ты мне тут сопли жевал? – на-брасывается на него Андрей, когда они остаются один на один. – Еще позавчера надо было выяснять – что это за фирма, чем дышит, кто там хозяин?! Поднять договора об аренде! Ты что, милый?! У нас контракт с финнами на носу. Для нас четвертый цех, как воздух. Это же "бабки"! Миллионная прибыль! А ты мне сказки рассказываешь: "Предыдущее руководство". Короче! Бери этот вопрос на себя. Надо ехать в мэрию – поедешь в мэрию. В Москву – поедешь в Москву! Если понадобится – дай, кому следует. Дави их всех, Проня, ты понял меня?

– Угу, – кивает Пронин.

– Да не "угу", а ты понял меня, я спрашиваю?

– Я все сделаю, – отвечает тот.

– Другой разговор. Давай, действуй!

Смоляков, оставив машину на обочине, переходит улицу, скрывается в подъезде старого петербургского дома.

Дверь ему открывает женщина, лет тридцати. Она в очках и с сигаретой. Это Нина.

– Моя у тебя? – задает Смоляков дежурный вопрос.

– Нет, – Нина дымит сигаретой. – Уехала.

– Как уехала? Куда? – не понимает Андрей.

– На выставку.

– Какая еще выставка! – возмущается Смо-

ляков.

– А чего ты на меня-то орешь? – спокойно возражает Нина. – Какая-то выставка в Русском музее.

– Я же велел ей сидеть у тебя.

– Слушай, Смоляков, разберишься со своей Машкой сам. У меня без вас проблем хватает.

Андрей стоит, сунув руки в карманы плаща, не зная, что предпринять.

– Зайдешь, может? – спрашивает Нина.

– Что?

– Давно не заходил, – она гасит сигарету о подшвы талка.

– В другой раз, Нин. Когда она уехала?

– С полчаса назад.

– Ладно, пока. – Андрей бросает эту фразу уже на ходу, торопливо сбегая вниз по широким ступеням лестницы.

Смоляков прогуливается по полупустым залам Русского музея. Развешенные на стенах картины и стоящая на подставках скульптура мало интересуют его. Он пристально вглядывается в лица немногочисленных посетителей выставки. В последнем зале людей чуть больше.

Андрей проходит туда и замирает как вкопанный. В самом углу, где собралась толпа, Смоляков видит свою жену. Она улыбается, беседует с кем-то, разглядывает висящую перед собой картину. Какой-то мужчина по-свойски держит ее за талию. Андрей не может рассмотреть его как следует, мужчина закрыт от него людьми и он видит только его руку, покоящуюся на талии жены. Мария смеется чему-то, склоняет голову на плечо мужчины.

– Вот это шик-блеск-красота! – сам себе говорит Смоляков, поворачиваясь к жене спиной, чтобы остаться незамеченным.

– И вам действительно это нравится?! – рядом со Смоляковым сердитый незнакомец, который принял реплику Андрея за оценку вы-

ставленных в зале работ.

– Что? – тупо смотрит на него Смоляков.

– Вам действительно все это нравится? – повторяет сердитый.

– Нет! Мне это совсем не нравится! – Андрей быстро идет прочь.

Смоляков сидит в своей машине, курит, пристально наблюдая за белой "девяткой", припаркованной неподалеку от здания Русского музея. Он опускает стекло, выкидывает окурок на улицу.

И тут из главного входа в музей появляется Мария.

Андрей, вытянув шею, напряженно вглядывается вперед, чтобы получше рассмотреть ее спутника, однако перед самым капотом "БМВ" возникает вереница младших школьников, попарно пересекающих дорогу. Они закрывают Смолякову весь обзор. Когда же школьники наконец переходят на противоположную сторону улицы, белая "девятка" заводится и плавно трогается с места.

Андрей поспешно поворачивает ключ в замке зажигания, переключает скорость.

Очень скоро его "БМВ" настигает "девятку". Смоляков, держась на некоторой дистанции, неотступно следует за машиной жены, медленно продвигаясь в густом транспортном потоке, текущем по Литейному проспекту.

Лестничную площадку парадного подъезда освещает тусклая лампочка. Андрей сидит на широком подоконнике окна, расположенного между двумя лестничными маршами. За окном сгущаются сумерки.

Хлопает дверь квартиры на верхней площадке.

Андрей тут же слезает с подоконника, отворачивается лицом к окну, разглядывая пусты-

Зеркало и сцена